
ЯЗЫК В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ: ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

О.Б. Максимова

Кафедра иностранных языков
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-1, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются общие тенденции и национально-культурные особенности интернет-коммуникации на русском и английском языках, обусловленные как внутренними языковыми законами, так и экстралингвистическими факторами. Показывается, что адаптация языковых феноменов к сетевой коммуникации следует принципу экономии речемыслительных усилий участников общения, причем особое внимание уделяется социальной и культурной специфике, проявляющейся при реализации этого принципа.

Ключевые слова: Интернет, интернет-коммуникация, интернет-неологизмы, принципы парадигматической и синтагматической экономии.

В настоящее время компьютерные и информационные технологии, в частности Интернет, развиваются весьма динамично, охватывая все стороны нашей жизни. Во всем мире возрастает число пользователей Глобальной Сети, активно осваивающих ее информационные и коммуникационные ресурсы. При этом люди все больше и больше времени проводят в Интернете, восполняя тем самым дефицит живого межличностного общения, возникающий на фоне лавинообразного информационного потока профессионально составленных, отредактированных и «готовых к употреблению» сообщений-полуфабрикатов, которые генерируются всевозможными СМИ.

Новые культурные практики и возможности интернет-коммуникации особым образом структурируют пространство и время, оказывают воздействие на человеческую ментальность, изменяют способ восприятия окружающей действительности. При этом границы между ощущением реальности и виртуальности происходящего размываются. Не случайно один из выдающихся идеологов информационного общества М. Кастельс говорит о культуре «реальной виртуальности», расшифровывая данное понятие следующим образом: «под реальной виртуальностью я подразумеваю систему, в которой сама реальность (т.е. материальное/символическое существование людей) полностью погружена в установку виртуальных образов, в мир творимых убеждений, в котором символы суть не просто метафоры, но заключают в себе актуальный опыт» [23. С. 191]. Таким образом, информацион-

ные технологии изменяют картину мира в голове человека, причем индивид получает неограниченные возможности создания виртуальных сценариев конструкции и деконструкции множества смоделированных им самим миров, которые обретают реальность в процессе коммуникации.

По мере освоения новых реалий информационного общества носители языка приобретают новый опыт, концептуализация и осмысление которого осуществляется средствами языка. Язык – чуткий инструмент, реагирующий на экономические, социальные и политические изменения. Естественно, социальные процессы такого масштаба, как появление нового глобального средства коммуникации и связанные с этим социальные, культурные и технологические изменения, отражаются в языке.

В качестве движущей силы языковых трансформаций мы, вслед за выдающимся французским лингвистом Андре Мартине, рассматриваем постоянное противоречие между потребностями общения человека и его стремлением свести к минимуму свои умственные и физические усилия. Языки «постоянно приспособляются к тому, чтобы наиболее экономичным образом удовлетворять потребности общения данного языкового коллектива». Эволюция языка определяется, с одной стороны – принципами парадигматической и синтагматической экономии, с другой стороны – необходимостью сохранения избыточности языковых средств [26. С. 28, 190–193].

Парадигматическая экономия представлена случаями, когда для обозначения нового объекта удается избежать присоединения новой единицы к существующему набору лексических единиц. Например, такие сочетания, как «электронная вычислительная машина», «операционная система» или «Interconnected Networks», служат четкими обозначениями специфических объектов. Синтагматическая экономия представлена случаями, когда происходит сокращение звеньев в речевой цепи за счет увеличения количества единиц в языковой системе, например, пользователь может говорить о недостатках «UNIX» и о своем «Пентиуме».

Данные принципы приобретают особую актуальность в условиях интернет-коммуникации, подразумевающих ограниченность коммуникативных ресурсов, будь то ограниченность во времени реакции на высказывание собеседника (если речь идет о синхронном общении), в объеме сообщения, в графических средствах репрезентации, в использовании невербальных средств коммуникации [12. С. 55–67]. В то же время на выбор языковых средств оказывают влияние и экстралингвистические факторы, обусловленные как спецификой коммуникативной среды, так и социально-коммуникативными отношениями участников, их социальными, демографическими, психологическими и культурными характеристиками.

В виртуальной среде осуществляется актуализация особой, специфичной для интернет-коммуникации формы передачи речи, которая сочетает в себе признаки устной и письменной речи и в то же время принципиально отличается от традиционных форм [3. С. 17, 21, 33–45; 28. С. 194–200].

«Электронные» тексты чрезвычайно динамичны как в плане содержания, так и в плане репрезентации (например, на веб-странице постоянно обновляются новостные и рекламные блоки, добавляются комментарии, изменяется дизайн сайта, создаются анимационные эффекты и т.п.). Кроме того, компьютерные технологии существенно расширяют возможности редактирования текстов: пользователь может оперативно вносить в текст самые замысловатые правки. Наконец, Интернет культивирует новые способы структурирования текстов, такие, например, как «фрейминг» в электронной почте [2. Р. 5], позволяющий участникам коммуникации фрагментировать полученное сообщение и комментировать каждый фрагмент отдельно: тем самым текст приобретает характер диалога или полилога.

Очень важной отличительной чертой электронной коммуникации является гипертекстуальность [21. С. 33–45], позволяющая приблизить принципы организации текста к нелинейной ассоциативной структуре мыслительных процессов, формирующих в процессе чтения понимание и впечатление. Гипертекст обладает нелинейной формой организации материала, у него нет однозначно заданной структуры, он незамкнут. Если свойство нелинейности создает предпосылки для сопоставления «сетового языка» с такими знаковыми системами, как язык математики (в частности, язык алгоритмов), то открытость (например, для комментариев и обсуждения) сближает любой текст, помещенный в интерактивную коммуникативную среду Сети, с устным публичным выступлением и даже с репликой в «общем обсуждении». Соответственно, способ производства (организации) и восприятия (чтения) таких «текстов-реплик» должен отличаться от способа производства и восприятия письменной речи.

С другой стороны, сетевая коммуникация не допускает и адекватного представления устной речи.

Во-первых, в отличие от традиционной устной речи здесь не устанавливается мгновенная обратная связь между участниками в форме сигналов непосредственной реактивной (речевой или неречевой) реакции собеседника: даже в наиболее интерактивных форматах интернет-коммуникации, таких как чаты и общение через службу мгновенных сообщений, ритм обмена сообщениями отличается от ритма разговора.

Во-вторых, специфика общения в сети Интернет не позволяет участникам использовать традиционные невербальные средства устной коммуникации для описания эмоциональных состояний, а также для выражения отношения к собеседнику и передачи информации о социальном статусе. В качестве компенсации в интернет-коммуникации используются особые индикаторы невербального поведения (параграфемные средства), к которым, в первую очередь, относятся эмодзи [15. С. 73–74], но эти средства все же не могут адекватно заменить континуальное многообразие средств невербального сопровождения живого межличностного общения.

К другим значимым характеристикам киберпространства следует отнести тот факт, что Интернет допускает одновременное сосуществование

множества различных подпространств, событий, ситуаций, когнитивных моделей и языковых идентичностей, порождает всевозможные типы разнообразных жанров (дискурсивных форматов) и речевых практик [16. С. 11–27; 21. С. 35–45]. В рамках одной веб-страницы могут сосуществовать тексты различной жанровой направленности с различными коммуникативными функциями [11. С. 12], например, новостные тексты электронных СМИ, комментарии пользователей к ним, тексты рекламного и коммерческого характера и т.п. Отметим также высокую степень «креолизованности» текстов в интернет-коммуникации [15. С. 73–74], причем современные мультимедийные технологии предоставляют широкий спектр возможностей создания «мультикодовых» текстов, сочетающих знаки различных систем в пределах одной страницы.

Таким образом, к наиболее общим закономерностям, характерным для функционирования естественного языка в интернет-среде и связанным с воздействием этой среды, можно отнести гипертекстуальность, одновременное присутствие в текстах признаков письменной и устной речи, креолизованность текстов, жанровое и функциональное разнообразие, расширение функций языковых средств (параграфемные средства).

Виртуальная коммуникация не может быть охарактеризована только посредством технических характеристик, возможностей и ограничений коммуникативной среды. Рассмотрение электронной коммуникации как комбинации различных видов дискурса позволяет представить ее в виде суперпозиции свойств среды коммуникации и персональной активности коммуникантов, поскольку именно от них зависит, как рассматривать тот или иной аспект технологии – как ограничение или как дополнительную возможность. В связи с этим оказывается важен учет психологических и социокультурных особенностей участников сетевого общения. Данная задача выходит за рамки настоящей работы; тем не менее, мы считаем необходимым хотя бы в общих чертах обрисовать психосоциодемографическую карту современной сетевой коммуникации.

Прежде всего, следует отметить, что в настоящее время аудитория Интернета претерпевает не только количественные, но и качественные изменения. В развитых странах Запада можно говорить о достижении точки определенного насыщения, поскольку там социально-демографические характеристики интернет-аудитории (за исключением возрастного дисбаланса) с достаточно высокой точностью репрезентируют соответствующие показатели всего населения [7].

Что касается Рунета, то по данным исследования, проведенного Фондом «Общественное мнение», в первом квартале 2010 г. месячная аудитория российских интернет-пользователей составила 41,1 млн чел. [19]. При этом типичный пользователь Сети сегодня – это респондент в возрасте 18–24 лет, с высоким уровнем образования и материального положения [22], являющийся представителем страны с высокими эстимационными характеристиками.

Данная статистика, к сожалению, не учитывает такого важного для нашего исследования фактора, как коммуникационная активность тех или иных сегментов аудитории. В частности, сейчас отмечается формирование особого сегмента пользователей («сетеголиков» или «кибераддиктов») [1. Р. 203–207; 14. С. 100–131], для которых «виртуальная» коммуникация с реальным или воображаемым объектом или странствование в Сети в поисках информации служит не столько дополнением, сколько заменителем межличностной коммуникации «из уст в уста».

Данная группа, несмотря на свою относительную малочисленность, может потенциально оказывать большое влияние на язык Интернета, формируя свои особые, зачастую девиантные, но при этом «коммуникативно мощные» и притягательные модели речевого поведения. Исходя из того же признака – потенциала влияния на формирование языка виртуальной коммуникации – можно выделить группу англо/русскоязычных программистов, сформировавших архитектуру киберпространства и профессиональный жаргон, соответствующий их своеобразному менталитету, а также группу русскоязычной диаспоры за рубежом.

Примечательно, что значимость данных групп в виртуальной коммуникации может совершенно не соответствовать их значимости в «реальной» жизни, где, например, группа «сетеголиков» вообще скрыта ввиду коммуникативной разобщенности и пассивности вне сетевой коммуникации.

В целом следует признать, что участники интернет-сообщества формируют и представляют совершенно новую социокультурную реальность. Сетевая структура Интернета (в отличие от иерархической) предполагает статусное равноправие участников коммуникации, возможность демократичного общения «на равных» [24. С. 79–83], а высокая степень проницаемости данной среды [15. С. 73–74] предоставляет любому пользователю потенциальную возможность стать участником или свидетелем коммуникативного акта.

С одной стороны, дистантность и опосредованность электронной коммуникации, невозможность полноценного обмена невербальной информацией (в том числе показателями статуса) могут привести к социальной анонимности и деперсонализации участников [6] благодаря конструированию виртуальной языковой идентичности. В ходе коммуникации участники принимают особые роли, обусловленные не только необходимостью создания модели воображаемой целевой аудитории, но и потребностью в саморепрезентации, что естественным образом сказывается на языке сообщений [12. С. 55–67].

С другой стороны, те же самые факторы обуславливают игровые условия коммуникации, ее карнавальный характер, что приводит к языковому новаторству, пересмотру языковых норм и социальных ограничений. При этом непринудительный характер коммуникации, а также добровольность выбора собеседников способствуют эмоциональной насыщенности общения [27. С. 24].

Во всяком случае, можно с достаточным основанием полагать, что новая глобальная среда коммуникации оказывает значительное влияние на речевые практики, поскольку, с одной стороны, уникальное сочетание инте-

рактивности среды и электронного канала связи существенно расширяет коммуникационные возможности по сравнению с традиционными средствами коммуникации, с другой стороны – накладывает определенные ограничения на коммуникацию; тем самым языковая личность участника коммуникации приобретает новые измерения.

Влияние Интернета как среды коммуникации на язык ощущается на всех уровнях языковой системы: оно фиксируется, прежде всего, на уровне лексики, а также затрагивает словообразовательные модели, нормы пунктуации и орфографии, особенности синтаксической структуры, способы организации и структурирования текста, коммуникативные стратегии и т.п. Это касается как английского, так и русского языков. В свете кардинальной смены коммуникативных паттернов, обусловленных появлением и развитием новых средств и каналов коммуникации, некоторые британские лингвисты [4] говорят о «революции в языке», проводя параллели между появлением Интернета и изобретением книгопечатания Иоганном Гуттенбергом или возникновением письменности.

Отметим также, что за счет современных технологий новые употребления слов, словообразовательные и синтаксические модели, особенности написания и т.п. распространяются в Сети практически мгновенно. При этом разнообразные паттерны сетевой коммуникации охотно подхватываются СМИ и рекламой и свободно проникают далее в общеупотребительную лексику.

Сопоставляя факты функционирования английского и русского языков в интернет-коммуникации, можно выявить как общие для обоих языков тенденции, так и элементы, обусловленные национально-культурной спецификой.

К общим закономерностям, характерным для функционирования обоих языков в интернет-среде, относятся появление неологизмов для обозначения новых реалий компьютерных технологий, употребление редуцированных форм, аббревиатур и жаргонизмов, широкое применение параграфемных средств в экспрессивных целях для компенсации эмоционального компонента общения, нарушение норм орфографии и пунктуации, построение высказываний по правилам разговорной речи, использование эллиптических конструкций, гипертекстуальность. Данные закономерности обусловлены, по нашему мнению, особенностями электронной среды коммуникации, ментальностью наиболее активных участников электронного общения, а также принципами экономии языковых средств и речемыслительных усилий.

Попробуем выделить национально-культурную специфику, рассматривая ее проявления в особенностях словообразования, лексики, орфографии и графического представления текста.

Отличительным признаком производства новых слов в англоязычной сетевой коммуникации можно считать то, что в этот процесс вовлекаются преимущественно исконные языковые единицы. Одним из наиболее популярных способов создания английских интернет-неологизмов является образование сложных слов. При этом весьма активными оказываются слова,

служашие для описания структуры и механизма электронной коммуникации: *web* (webliography), *net* (netiquette), *mouse* (mousemat), *click* (click-and-drag), *bug* (bug-free).

Кроме того, изменения в словарном составе происходят за счет придания исконному слову нового значения (например, английское слово *browser*, имеющее в обиходном языке значения «посетитель магазина, рассматривающий товары» и «открытый ящик, где выставлены пластинки для просмотра и выбора», приобретает новые значения «программа просмотра» и «окно просмотра»). Еще один путь образования интернет-неологизмов – создание новых слов по продуктивным словообразовательным моделям. При этом используются не только традиционные, но и новые словообразовательные элементы, среди которых можно отметить, прежде всего, ставший отличительным признаком интернет-словотворчества префикс *e-* (сокращение от *electronic*) [8. Р. 22–26], с помощью которого образуется лавинообразно расширяющийся поток слов, связанных с Интернетом (например, *e-mail*, *e-book*, *e-money*, *e-banking*, *e-commerce*, *e-tailer*), а также *V-* (виртуальный): *v-talking*, *v-rally*; *E-* (усилительная конструкция, выражающая ту или степень эмоции): *ThanksE6* (огромное спасибо).

Среди других словообразовательных элементов, также получивших широкое распространение в электронной среде, можно выделить такие единицы, как *cyber-* (*cyber-crime*), *hyper-* (*hypertext*), *-ware* (*netware*), *-zine* (*webzine*), *-bot* (*botnet*). Наблюдается также расширение функций продуктивных (в общелитературном языке) суффиксов. Так, в интернет-среде суффикс *-er* используется для спецификации по роду деятельности, причем образуемые с помощью этого суффикса слова могут обозначать предметы технического оборудования (например, *printer*, *scanner*), относиться к людям, выполняющим определенные действия (например, *logger*, *cybersurfer*), или же маркировать соответствующие программные продукты (например, *mailer*, *browser*).

Еще одним распространенным способом словообразования является характерная для английского языка конверсия, обычно глаголов от существительных (например, *to blog*, *to google*). Наконец, можно отметить словообразование путем перехода имен собственных в имена нарицательные (например, *pentium* – компьютер с процессором «Пентиум»).

Расширение вокабулярного разнообразия английского языка в интернет-среде наглядно демонстрирует действие принципов парадигматической и синтагматической экономии, отмеченных нами ранее. Примерами парадигматической экономии служат такие сочетания, как *online chat*, *Interconnected Networks*, *Internet service provider*, *floppy disk*, *hypertext link*, *web site*. При этом с возрастанием частотности той или иной единицы ее форма может подвергаться редукции: *chat*, *Internet*, *Net*, *provider*, *floppy*, *hyperlink*, *site*, что служит примером синтагматической экономии.

Эффективным средством экономии языковых средств за счет сокращения количества единиц в речевой цепи являются аббревиатуры.

Отметим, что разнообразные сокращения являются одной из характерных примет английского языка, и интернет-коммуникация в этом смысле не представляет исключения. Широко распространены акронимы, например, *FAQ* (Frequently Asked Questions), *LOL* (Laughing out loud / Lots of laughs); а также акронимы-омофоны (например, название интернет-пейджера *ICQ* является омофоном фразы «I seek you»).

Распространились слова-гибриды, образованные путем сложения частей слов, например, такие слова, как *modem* (modulator-demodulator), *Webciety* (web society), *blog* (web log), *emoticon* (образовано от слов emotion и icon). Сокращению могут подвергаться отдельные слова (в основном, за счет гласных, так как гласные в английском языке имеют меньшую информационную стоимость, чем согласные), например, «xInt» (excellent), «pls» (please), «ths» (thanks), «spk» (speak), «ppl» (people), словосочетания (*AKA* – also known as), и даже целые предложения (*WYSIWYG* – What you see is what you get).

Зачастую сложносокращенные слова, в которых обыгрывается произношение буквы или цифры, подобны ребусам, например: *RUOK* (Are you OK?), *NE1* (anyone), *B4N* (Bye for now), *WAN2* (want to), *2DAY* (today), *CUL8R* (See you later). Некоторые формы из этой группы имеют высокую степень частотности, например *B4* (before), *CU* (see you), *L8* (late), *GR8* (great), а другие уверенно обосновались в нейтральном языке (например, *B2B* – business to business).

Справедливости ради следует отметить, что, несмотря на попытки кодификации подобных форм в виде он-лайн словарей, большинство из них не получили широкого распространения, а носят скорее окказиональный характер, демонстрируя творческий потенциал участников коммуникации и возможности языковой игры. Например, популярная аббревиатура *LOL* породила своеобразный синонимический ряд форм: *ROTFL* (Rolling on the floor laughing), *ROTFLOL* (Rolling on the floor laughing out loud), *ROFLMAO* (Rolling on the floor laughing my ass off), *ROTFLMAOWTIME* (Rolling on the floor laughing my ass off with tears in my eyes), *ROTFLMAOASTC* (Rolling on the floor laughing my ass off and scaring the cat), «lulz» (искаженный вариант множественного числа от субстантивированного *LOL*). При этом наиболее широкое распространение получил именно последний вариант в качестве нового существительного, означающего что-то смешное, шутку, насмешку, «прикол» (например, I did it for lulz).

В англоязычной интернет-коммуникации можно отметить некоторые отклонения от стандартной парадигмы образования множественного числа имен существительных. Так, способ образования множественного числа путем добавления архаичного окончания *-en* по модели *ox – oxen* становится снова продуктивным для ряда существительных, оканчивающихся на *-x*, например, *boxen*, *matrixen*. Встречается также изменение стандартного написания окончания множественного числа: *-z* вместо *-s* (в основном, для существительных со значением пиратских версий программного обеспечения: *warez*, *gamez*, *filez*). В русскоязычной Сети подобные явления встречаются,

но не получили широкого распространения и локализованы в коммуникации относительно небольших групп пользователей.

В отличие от английского, в русском интернет-языке пополнение словарного состава происходит в основном за счет заимствованных из английского языка интернациональных лексических единиц, относящихся к сфере информационных технологий, что естественным образом обусловлено особым статусом английского языка и его носителей в данной области [25. С. 40–47]. Это, во-первых, материальные заимствования, когда перенимается как значение (либо одно из значений) английской единицы, так и ее материальный экспонент (например, «сайт», «чат», «хакер», «бан», «провайдер», «постинг»). При этом заимствуются не только отдельные языковые единицы, но и сложносокращенные слова (например, «блог», «эмотикон», «модем»).

В дальнейшем заимствованные слова подвергаются фонетической и грамматической «русификации», причем последующий процесс словообразования идет в соответствии с правилами русской словообразовательной системы (например, «хакерство», «логиниться», «початиться», «запостить», «вебовский»).

Отметим, что при этом заимствованные глаголы получают все глагольные категории, типичные для русского языка, в частности, категорию вида (например, «забанить», «скопипастить»).

В отличие от глаголов, процесс речевого освоения заимствованных акронимов в русскоязычной Сети происходит достаточно медленно; тем не менее, некоторые слова, порожденные английскими аббревиатурами, уже сейчас прочно вошли в русский сетевой лексикон. Так, название интернет-пейджера ICQ преобразовалось в «Аську»; акроним ИМНО (In My Humble/Honest Opinion) превратился в «ИМХО» (Имею мнение, хочу озвучить / хрен оспоришь); FAQ (Frequently Asked Questions) – в «ЧаВО» (список часто задаваемых вопросов и ответов), LOL – через «lulz» – в «лулзы» («приколы»). Заимствования могут происходить и путем калькирования англоязычной лексической единицы, например, «домашняя страница» (home page), «электронная почта» (electronic mail). Иногда одна часть слова заимствуется материально, а другая калькируется; например, так образовано слово «гиперссылка» (hyperlink).

В процессе освоения заимствованных слов используются словообразовательные модели, характерные для разговорной речи и просторечия: суффиксы *-юк*, *-ак*, *-ятник*, например, «виндюк», «виндузятник» (Windows), «сервак» (server), «ламак» (lamer); суффиксы *-юш*, *-иш*, *-к(а)*, например, «превьюшка» (preview), «экспишка» (Windows XP), «флешка» (flash disk). Кроме того, наблюдается характерная для разговорной речи тенденция к редуцированию по принципу синтагматической экономии, например, «инет» (Internet), «винт» (Winchester disk), «сабж» (subject), «прога» (programme), «борда» (board), а также тяготение к нарочитым ошибкам в произношении, например, «пага» (page), «месага» (message), «гама» (game).

Что касается заимствованных суффиксов, то некоторые из них (*-er, -ing*) постепенно начинают обретать продуктивность в русском сетевом языке (например, появляются слова «пользер», «поискер», «копипастер», «собакинз», «улучшайзинг»).

Словообразование в русскоязычной Сети может происходить на базе не только заимствованных, но и исконных лексических единиц. В некоторых случаях активизируются процессы компрессивного словообразования, например, универбация с суффиксом *-к(а)*: «искалка» – поисковая программа, «писалка» – CD/DVD-привод с функцией записи. Данные краткие формы, типичные для неформального общения, также служат примерами синтагматической экономии.

В других случаях происходит расширение значения исконной лексики за счет иронически-игрового переосмысления семантических калек и полукалек английских терминов, например, «доска» (клавиатура), «форточки», «ставни» (название операционной системы Microsoft Windows), «междумордие» (интерфейс), «глист» (компьютерный вирус), «глаз» (монитор), «палка» (джойстик), «извозчик» (драйвер).

В ряде случаев заимствованные слова подвергаются трансформации из соображений фонетической подгонки. При этом в основу вторичной номинации положены слова обиходной или сниженной лексики, например, «батон» (button), «арбузер» (browser), «нутыбьяка» (notebook), «видимо-карта» (видеокарта), «девица без презента» (сообщение «Device not present»), «ексель» (Microsoft Excel), «Ирка» (Internet Relay Chat), «мыло» (от e-mail), «крякнуть прогу» (от crack).

В результате подобных словообразовательных процессов в русском языке образуются своеобразные синонимические ряды. Так, английское слово «user» в русском языке подвергается калькированию («пользователь» с последующим усечением в «пользак/пользюк»), транскрипции («юзер»), а также вторичной номинации («усер» – пользователь низкой квалификации, «лжеюзер» – пользователь живого журнала (здесь обыгрывается аббревиатура английского Live Journal), «юзверь», «юзверг» – опытный пользователь).

Можно высказать несколько предположений, объясняющих распространённость в русскоязычной Сети «карнавальных» синонимов, в основу которых положена обиходная либо сниженная лексика. Традиции создания подобных единиц зародились в 1990-е гг. в рамках компьютерного жаргона или сленга, обслуживающего как профессиональное, так и неформальное общение его носителей – программистов и компьютерщиков.

Известно, что сленгу свойственно явление синонимической аттракции, то есть «большие пучки синонимов для понятий, вызывающих эмоциональную реакцию» [10. С. 91]. Кроме того, по нашему мнению, создателями подобных языковых единиц руководило стремление привнести юмористическое или игровое начало в коммуникацию, что с одной стороны, способствовало упрощению общения (экономия усилий реципиента), с другой – вы-

полняло своеобразную сигнальную задачу опознания и индикации «своих», создавая оппозицию «свой» – «чужой». Если же, вслед за отечественным филологом Г. Гусейновым, обратить внимание на тот факт, что «русский эквивалент в большей части случаев подбирается к английскому оригиналу по признаку обоюдоострой агрессивности – как по отношению к языку-источнику, так и к языку-цели» [18], то можно трактовать данное явление как носящее довольно агрессивный характер речевое сопротивление англицизмам и влиянию западной культуры и западных ценностей в целом.

Приведенные примеры демонстрируют, что в русском языке Сети преобладают словообразовательные процессы на базе англоязычных интернационализмов (за счет заимствования и дальнейшей русификации). В то же время наблюдается эмоционально-экспрессивное обновление словаря за счет активного использования словообразовательных парадигм, типичных для просторечия, а также употребления сниженной разговорной лексики, что демонстрирует расширение стилистических ресурсов языка, особенно в его неформальной области.

Сопоставительный анализ лексических особенностей и особенностей словообразования в английском и русском языках позволяет сделать вывод об идиозотической специфике актуализации принципа экономии языковых средств: если в английском наблюдается сбалансированное сочетание принципов парадигматической и синтагматической экономии, то в русском языке реализуется в большей степени синтагматическая экономия, о чем свидетельствует распространенность усечений и универбов.

Еще одно важное отличие русских и английских языковых нововведений связано с тем, что в английском языке пополнение словарного состава происходит на базе исконных слов, причем новая среда коммуникации не только осуществляет отбор предпочтительных словообразовательных паттернов, но и активизирует новые продуктивные словообразовательные элементы. Новые значения придаются старым словам путем добавления нестандартных аффиксов, освоения аббревиатур (e-mail, WWW); кроме того, практикуется нестандартное написание слов («L8», «C%L», «@home»). При этом характерно, что в большинстве таких случаев нововведение опирается на визуальное восприятие текста.

Напротив, для русских языковых новшеств характерно заимствование или калькирование значимых элементов, которые становятся «гнездами» для дальнейшего словотворчества, основанного на морфологических вариациях, причем эти вариации опираются не столько на визуальное восприятие, сколько на создаваемый новым словом акустический образ. Так, «инновационный» аффикс e-, продуктивный в английском сетевом языке, в русской версии удержался лишь в тех словах, которые «поддержали» этот аффикс своим звучанием, например, «Емеля» (e-mail), «ебук» (e-book). Если английские «2B», «CUL8R» и т.д. интересны только своим написанием, поскольку предполагается, что произносятся они точно так же, как и соот-

ветствующие им выражения «to be», «see you later», то такие слова, как «дфа» (два), «кросавчег» (красавчик) и т.п., интересны не столько написанием, сколько звучанием; здесь можно усмотреть создание нового акустического образа, а не только нового обозначения.

Приведенные выше примеры иллюстрируют весьма распространенное как в английской, так и в русской версии электронного письма явление искажения общепринятого написания слов. Девиантная орфография некоторых слов используется настолько широко, что может рассматриваться в качестве своеобразной «нормы» сетевого общения.

Отметим, что нарушение норм орфографии может осуществляться как стихийно, так и осознанно. К стихийным нарушениям относятся различного рода опечатки, к которым в сетевой коммуникации относятся весьма снисходительно, а также пренебрежение правилами орфографии, обусловленное ситуацией общения в условиях ограниченности коммуникативных ресурсов. К осознанным нарушениям относится употребление эрративов – нарочитых искажений стандартного написания слов носителями языка, владеющими литературной нормой [18].

Распространение эрративов демонстрирует высокую степень восприимчивости интернет-коммуникации к новым, нестандартным, в том числе девиантным языковым явлениям, если они достаточно выразительны. В русской Сети множество подобных эрративов можно обнаружить в рамках таких коммуникативно связанных «сетелектов», как «язык кашенитов», «язык падонков» или «гоблинов», «язык упячки», жаргон «преведов» [17. С. 383–405; 20].

Кроме того, в общесетевом языке широко распространены эрративы, образованные по принципу «как слышится – так и пишется», которые употребляются для создания эффекта спонтанности, неподготовленности и непринужденности разговорной речи.

В английском сетевом языке (особенно в чатах и на интернет-форумах) также наблюдаются случаи употребления слов, фиктивно приспособленных к реальному произношению или являющихся стилизацией акцентов, а также региональных и социальных особенностей произношения; кроме того, довольно часто используются колоритные имитации разговорного стиля и просторечия. Тем не менее, как мы отмечали выше, англоязычные пользователи отдают предпочтение аббревиатурам и идеограммам, что свидетельствует о том, что они воспринимают язык виртуальных текстов скорее как код, чем как запись речи.

Как мы видим, даже поверхностный анализ коммуникации как в английской, так и в русской Сети выявляет чрезвычайно интенсивный процесс языковых инноваций (это относится, преимущественно, к наиболее интерактивным областям сетевой коммуникации). Этот процесс характеризуется как стихийным, так и осознанным отступлением от норм письменной речи. Разумеется, подобное искажение словарной базы и «опрощение» языка не мо-

жет не вызывать закономерного беспокойства. С другой стороны, в употреблении эрративов можно усмотреть признаки коммуникативного новаторства и языковой игры, а использование нестандартной орфографии, способствующее выражению спонтанности, непосредственности и подлинности устного слова во всем его разнообразии, является мощным стилистическим ресурсом.

Характер этих инноваций позволяет предположить, что здесь мы имеем дело с попыткой восстановления исконно присущей фонематическому письму связи с фонетической структурой устной речи. Такие попытки прослеживаются во всей истории фонематической письменности, но этот процесс необычайно активизировался именно в интернет-коммуникации, возможно, по той причине, что в этой же коммуникативной среде достаточно отчетливо проявляются и противоположные тенденции отклонения письменной речи от ее «фонетической оси», выражающиеся в нарушении синтагматической структурированности (за счет включения в текст «непроизносимых» визуальных элементов), а также в нарушении линейности и одномерности текста (гипертекстуальность).

В некотором смысле можно констатировать, что в электронной среде фонематическое письмо отклоняется в сторону идеографического письма (к которому можно отнести, например, эмодзи и «нечитабельные» аббревиатуры, по сути являющиеся визуальными шифрами), и противоположный дрейф в сторону фонетического письма, наблюдающийся в интерактивных областях, отчасти компенсирует данное отклонение: язык как бы «привязывается» к звучанию речи.

Создается впечатление, что язык Сети стремится расширить свои границы настолько, насколько это возможно (а возможность определяется единственным условием – взаимопониманием участников коммуникации), и вполне естественно, что наибольшая коммуникативная активность и креативность наблюдается именно вблизи этих непрерывно расширяющихся, неустойчивых границ.

Следует отметить, что творческий процесс в русскоязычной части Сети локализован преимущественно в ее интерактивных областях вблизи границы «фонематическое письмо – фонетическое письмо», тогда как оригинальных идей, касающихся создания нелинейных текстов, гипертекстуально связанных структур и т.д., в русскоязычной части Сети чрезвычайно мало: в основном копируются англоязычные образцы.

То же самое можно сказать и о графическом представлении текста: те сходные тенденции, которые мы наблюдаем в английском и русском интернет-общении, можно интерпретировать как копирование (возможно, невольное), осмысление и обработку русскоязычными пользователями западного опыта.

Это не удивительно, так как некоторые элементы графического представления текстов в западной культуре имеют более чем столетнюю исто-

рию [5. Р. 8–11], а некоторые приемы, реализующие принципы экономии речемыслительных усилий, настолько прочно утвердились в сетевой коммуникации, что вошли в руководства по интернет-жаргону.

Примерами последних могут служить принципы «экономии удара по клавише» и «минимизации количества пробелов», соблюдение которых приводит к тому, что в определенных коммуникативных ситуациях создаются предложения без прописных букв, с минимальным количеством пробелов и почти отсутствующей пунктуацией. Необходимо подчеркнуть, что в данном случае речь идет об экономии усилий отправителя сообщения, тогда как реципиенту, возможно, потребуется затратить дополнительные усилия на его расшифровку.

В сетевой коммуникации существуют и другие возможности представления текста, реализующие принцип экономии более симметрично. В частности, к этой категории можно отнести особые паралингвистические средства, применяющиеся для компенсации принципиальной невозможности использования традиционных невербальных средств речевого общения.

В первую очередь, это *эмотиконы* («смайлики») и анимации, широко используемые не только в экспрессивных целях, но и в целях репрезентации конкретных элементов языка мимики и жестов, а также определенных действий участников коммуникации (например, дарение цветка).

Кроме того, различные эмоции (например, радость, удивление, шок) выражаются путем повторения гласных или согласных несколько раз в зависимости от характера и степени эмоции.

Аналогичную роль могут выполнять пробелы, знак «*», нестандартные комбинации знаков препинания, нарочито утрированное или произвольно-ранжированное сочетание различных знаков препинания и иных символов клавиатуры. Характерно, что знаки пунктуации, пробелы между словами, заглавные буквы приобретают семантический характер [9; 12. С. 55–67]; они используются для передачи паралингвистических составляющих невербальной коммуникации, таких как громкость голоса и темп речи, для выделения значимой информации и передачи различных эмоций.

Вышеперечисленные примеры свидетельствуют о том, что языковые средства приобретают в интернет-коммуникации дополнительные функции. Это относится и к возможности «обогащения» электронного алфавита за счет использования дополнительных символов клавиатуры, а также расширения (по сравнению с традиционным письмом) системы специальных шрифтов и начертаний гарнитур. Реализация этой возможности выявляет национально-культурную специфику: если в английском языке Сети практикуется использование цифр: *W3* (World Wide Web), символа *@* (*@-address*), знаков *\$* и *£* (например, *Micro\$oft*, *£ondon*), то в русскоязычной электронной коммуникации наблюдается широкое применение латиницы наряду с кириллицей. К «кириллической латинице» [13. С. 232–242] можно отнести включение фрагмента на английском языке в русский текст, написание русского текста

латинскими буквами, создание слов-гибридов из смеси латиницы и кириллицы (например, WAP-телефония) и т.п.

Можно заметить, что употребление слов (особенно названий) в исходной графической форме без перевода зачастую способствует облегчению общения в компьютерном дискурсе, хотя эта практика выходит за рамки фонематического письма.

В заключение сделаем некоторые обобщения и разъяснения. Проведенное нами исследование показало, что адаптация тех или иных языковых феноменов к сетевой коммуникации следует принципу экономии речемыслительных усилий участников общения. Реализация этого принципа может проявлять социальную и культурную специфику ввиду существования соответствующих когнитивных отличий: инновация, облегчающая общение англоязычных пользователей, вовсе не обязательно привьется в русскоязычной Сети, и наоборот.

Следует подчеркнуть, что упомянутый принцип экономии подразумевает некоторую асимметрию автора и читателя текстового сообщения: экономия усилий при составлении текста может привести к затруднению понимания. Если в «бумажной» письменной коммуникации ответственность за ясность текста возлагается на автора, то в Сети наблюдается распределение этой ответственности между автором и читателем; равновесие устанавливается спонтанно, в процессе коммуникации (приблизительно так же, как в устном межличностном общении).

Более того, можно заметить, что интернет-коммуникация обнаруживает тенденцию к нарушению этого баланса в пользу автора: подразумевается, что читатель может «прояснить» для себя смысл любого сетевого текста с помощью ресурсов Сети. Данную особенность – приоритет автора, которому дозволяется говорить в Сети так, как ему удобно, чтобы наиболее точно выразить то, что он хочет сказать – можно считать неким универсальным принципом сетевого общения: любая реплика, отправленная в Сеть, потенциально может найти своего адресата.

Таким образом, в Сети реализуется раскрепощение языковой личности, которая, в свою очередь, вынуждена адаптироваться к условиям новой среды коммуникации, подчиняясь форматным ограничениям и другим законам «сетевых жанров».

Другая особенность сетевой коммуникации связана с тем, что использование всеми участниками одного и того же «арсенала средств» формирует некий интернациональный комплекс приемов, норм и стратегий общения. При этом реакция тех или иных сегментов Сети на инновации в сфере информационных технологий или иные изменения условий виртуальной коммуникации варьируется в зависимости от социально-культурной специфики аудитории, уровня ее информационно-технологической компетентности, а также от формата коммуникации в том или ином сегменте. Эти процессы, по-видимому, подчиняются принципу приоритета «быстроты реакции» перед «сохранением специфики» в силу увеличивающейся скорости измене-

ний в сфере информационных технологий; этим объясняется практика заимствования (с последующей доработкой в процессе коммуникации) тех или иных механизмов адаптации у «более продвинутых пользователей», чрезвычайно распространенная на всех уровнях сетевой коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Byun S., Ruffini C., Mills J. E. et al.* Internet Addiction: Metasynthesis of 1996–2006 Quantitative Research // *CyberPsychology and Behavior*. – 2009. – V. 12. – № 2.
- [2] *Crystal D.* Johnson and the Internet // *Hilda Hulme Memorial Lecture, University of London*, 21 April. – 2005. URL: http://www.davidcrystal.com/David_Crystal/internet.htm (дата обращения 29.08.2010).
- [3] *Crystal D.* Language and the Internet. – Cambridge, 2006.
- [4] *Crystal D.* The Language Revolution. – Malden, MA, 2004.
- [5] *Crystal D.* Txting: FrNd or Foe? / *The Linguist* // *The Threlford Memorial Lecture*. – 2008. – V. 47. – № 6.
- [6] *Jaffe, JM., Lee Y., Huang L., Oshagan H.* Gender, Pseudonyms and CMC: Masking Identities and Baring Souls // *45th Annual Conference of the ICA*. – 1995. URL: <http://research.haifa.ac.il/~jmjaffe/genderpseudocmc.html>.
- [7] *Jones S., Fox S.* Generations Online in 2009 // *Pew Internet & American Life Project*. – January 28, 2009. URL: <http://www.pewinternet.org/Reports/2009/Generations-Online-in-2009.aspx>.
- [8] *Schaffer D.* The story of e- // *English Today*. – Cambridge. – 2001. – V. 17 – № 4.
- [9] *Thurlow C.* Generation Txt? The Sociolinguistics of Young People’s Text-messaging // *Discourse Analysis Online* [сайт]. – 2003. – V. 1 – № 1. URL: <http://extra.shu.ac.uk/daol/articles/v1/n1/a3/thurlow2002003-paper.html>.
- [10] *Арнольд И.В.* Стилистика современного английского языка. – Л., 1973.
- [11] *Атабекова А.А.* Лингвистический дизайн WEB-страниц (сопоставительный анализ языкового оформления англо- и русскоязычных Web-страниц). – М., 2003.
- [12] *Бергельсон М.Б.* Языковые аспекты виртуальной коммуникации (Языковое поведение в сети Интернет) // *Вестник МГУ. Сер. 19. – Лингвистика и межкультурная коммуникация*. – 2002. – № 1.
- [13] *Войскунский А.Е.* Развитие речевого общения как результат применения Интернета // *Социальные и психологические последствия применения информационных технологий* / Под общ. ред. А.Е. Войскунского. – М., 2001.
- [14] *Войскунский А.Е.* Феномен зависимости от Интернета // *Гуманитарные исследования в Интернете* / Под ред. А.Е. Войскунского. – М., 2000.
- [15] *Галичкина Е.Н.* Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках: Дисс. ... к.ф.н. – Астрахань, 2001.
- [16] *Горошко Е.И.* Интернет-жанр и функционирование языка в Интернете: попытка рефлексии // *Жанры речи*. – Саратов, 2009. – Вып. 6. «Жанр и язык».
- [17] *Гусейнов Г.* Введение в эрратическую семантику // *Integrum: точные методы и гуманитарные науки* / Ред.-сост. Г. Никипорец-Такигава. – М., 2006.
- [18] *Гусейнов Г.* Другие языки. Заметки к антропологии русского Интернета: особенности языка и литературы сетевых людей // *НЛО* [сайт]. – 2000. – № 43. URL: <http://nlo.magazine.ru/dog/tual/main8.html>.

- [19] «Интернет в России» // Фонд Общественного Мнения. Регулярный бюллетень. – 2010 – № 28. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/smi/smi_int/zima2009_10.
- [20] Денисов К. Умераед зайчег мой: русский интернет прощается с русским языком // Известия: общенац. газ.: [сайт]. – М., 2006. URL: <http://www.izvestia.ru/lpage/article/3092421/?print>.
- [21] Иванов Л.Ю. Язык интернета: заметки лингвиста // Словарь и культура русской речи. – М., 2000.
- [22] Интернет в России: темпы проникновения и типы использования // ВЦИОМ. – 06.04.2010. – Пресс-выпуск № 1466. URL: <http://wciom.ru/no-vosti/press-vypuski/press-vypusk/single/13386.html>.
- [23] Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура / Пер. с англ.; под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М., 2000.
- [24] Кутузов А.Б. Коммуникативные особенности дискурса компьютерных сетевых форумов // Третьи Лазаревские чтения: Традиционная культура сегодня: теория и практика: Мат-лы Всерос. научн. конф. с междунар. участием. – Челябинск, 2006. – Ч. 3.
- [25] Максимова О.Б. Английский язык в интернет-коммуникации: глобализирующий или глобализируемый // Языковой аспект интеграции и самоидентификации в современном мире: Материалы Межвузовской научно-практической конференции. – М., 2010.
- [26] Мартине А. Основы общей лингвистики. – М., 2009.
- [27] Смирнов Ф.О. Национально-культурные особенности электронной коммуникации на английском и русском языках: Дисс. ... к.ф.н. – Ярославль, 2004.
- [28] Трофимова Г.Н. Языковой вкус Интернет-эпохи в России: Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты. – М., 2004.

**LANGUAGE IN THE INTERNET COMMUNICATION:
THE REGULAR PATTERNS
AND NATIONAL CULTURAL PECULIARITIES
(BASED ON THE ENGLISH AND RUSSIAN SOURCES)**

O.B. Maximova

The Foreign Language Department
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay Str., 10-1, Moscow, Russia, 117198

The article focuses on the regular patterns and national cultural peculiarities of the Internet communication in English and Russian languages determined both by the internal linguistic laws and by extralinguistic factors. The adaptation of language phenomena to the Internet communication is shown to be governed by the principle of economy of speech and mental efforts of communicators. Special emphasis is paid to the social and cultural specificity exhibited in the implementation of the given principle.

Key words: the Internet, Internet communication, Internet neologisms, principles of paradigmatic and syntagmatic economy.